

(8)

ОН СЧИТАЛ СЕБЯ БЕЗНАДЕЖНЫМ

Но он открыл, что существует Высшая Сила, которая верит в него больше, чем он сам. Так в Чикаго появились АА.

Я вырос в маленьком городке неподалеку от Акрона, штат Огайо, где жизнь протекала так же, как и в любом другом обычном маленьком городке. Я активно занимался спортом и потому, а также под влиянием родителей, не пил и не курил ни в начальной, ни в средней школе.

Все изменилось, когда я поступил в колледж. Мне пришлось адаптироваться к новому кругу знакомых, которые, похоже, считали, что пить и курить – значит быть шикарным. Я выпивал исключительно на выходных и делал это весьма умеренно в течение всей учебы в колледже, а также несколько лет после его окончания.

Отучившись, я начал работать в Акроне, а жить у родителей. Домашние условия опять-таки сдерживали меня. Выпивая, я скрывал этот факт от своих близких из уважения к их чувствам. Так продолжалось, пока мне не исполнилось двадцать семь. Тогда я стал разъезжать по Соединенным Штатам и Канаде. Имея в своем распоряжении столько свободы и неограниченный счет на представительские расходы, я вскоре выпивал уже каждый вечер и лгал себе, что это – часть моей работы. Теперь я понимаю, что шестьдесят процентов времени пил в одиночку, не привлекая новых покупателей.

В 1930 году я переехал в Чикаго. Вскоре, подстегиваемый Великой депрессией, я обнаружил, что у меня куча свободного времени и что немного спиртного по утрам помогает его проводить. К 1932 году я стал уходить в двух- и трехдневные запои. В этом же году моей жене наконец надоело мое шатание по дому в пьяном виде, и она позвонила моему отцу в Акрон, чтобы он приехал и забрал меня. Она попросила его сделать со

мной что-нибудь, потому что сама не могла ничего поделаться и испытывала ко мне глубочайшее отвращение.

Так начались мои пять лет метаний между своим домом в Чикаго и Акроном, где я трезвел. В этот период запои у меня все учащались и удлинялись. Однажды папа приехал за мной во Флориду, так как ему позвонил менеджер отеля, где я остановился, и сказал, что, если он хочет застать меня в живых, лучше бы ему поторопиться. Жена не могла понять, почему я трезвел ради папы, но не трезвел ради нее. Они тайно посоветовались, и папа объяснил ей, что он просто забирает у меня брюки, ботинки и деньги, чтобы я не мог достать спиртного, и мне приходится протрезветь.

Как-то раз моя жена решила тоже попробовать этот способ. Отыскав все припрятанные мною в доме бутылки, она забрала мои брюки, ботинки, деньги, ключи, бросила все под кровать в задней спальне и замкнула входную дверь. К часу ночи я пришел в отчаяние. Нашел какие-то шерстяные чулки, какие-то белые фланелевые брюки, доходившие мне до колен, и старую куртку. Взломал дверь так, чтобы можно было попасть обратно внутрь, и вышел наружу. В лицо мне ударил порыв ледяного ветра. Был февраль месяц, земля была покрыта снегом и льдом, а до следующей остановки такси мне предстояло пройти четыре квартала. Однако я это сделал. По пути в ближайший бар я разглагольствовал перед таксистом о том, как плохо меня понимает жена и какой она неразумный человек. Когда мы прибыли на место, он пожелал на собственные деньги купить мне кварту виски. Затем, когда он подвез меня до дома, он согласился подождать два-три дня, пока мое здоровье не восстановится и я не отдам ему деньги за алкоголь и проезд. Я был хорошим торгашом. На следующее утро жена не могла взять в толк, почему я пьянее, чем предыдущей ночью, когда она забирала у меня бутылки.

В начале января 1937 года, после особенно плохого проведенного Рождества и Нового Года, папа опять взял меня к себе, чтобы провести обычную процедуру отрезвления. Она состояла в том, что я несколько суток шагал из угла в угол, пока снова не был способен принимать пищу. На этот раз у отца было что мне предложить. Он дождался, пока я полностью протрезвею, и за день до того, как я должен был вернуться в Чикаго, рассказал мне о том, что в Акроне есть небольшая группа людей, явно имеющих ту же проблему, что и я, но пытающихся с ней бороться. По его словам, они были трезвы, счастливы и вновь обрели самоуважение, а также уважение окружающих. Он назвал двух из них, которых я знал много лет, и сказал, что мне стоит поговорить с ними. Но я уже поправил свое здоровье, и потом, убеждал я себя, их состояние гораздо хуже моего. Уж я-то никогда не дойду до такого. Подумать только, всего год назад я видел, как Говард, бывший доктор, попрошайничал, выклянчивая десятицентовую монетку на выпивку. Я бы ни за что не пал так низко. Я бы, по крайней мере, просил четверть доллара! И я сказал папе, что справлюсь сам, что месяц не буду пить вообще ничего, а потом – только пиво.

Несколько месяцев спустя папа в который раз приехал за мной в Чикаго. Но теперь мое отношение к собственному алкоголизму кардинально изменилось. Я не мог дождаться, чтобы сказать ему, что мне нужна помощь и что, если эти парни из Акрона знают какой-то способ, я тоже хочу им воспользоваться и сделаю для этого что угодно. Алкоголь окончательно сокрушил меня.

Я до сих пор очень отчетливо помню, как мы приехали в Акрон в одиннадцать вечера и подняли с постели того самого Говарда, чтобы он помог мне чем-нибудь. В ту ночь он провел со мной два часа, рассказывая о своей жизни. Он поведал мне, что, в конце концов, уяснил, что алкоголизм –

это смертельная болезнь, состоящая из аллергии и тяги, и, как только пьянство из привычки превращается в тягу, мы становимся безнадежно больными и можем ожидать только попадания в психбольницу или смерти.

Он делал упор на то, как менялось его отношение к жизни и к людям, и большинство его взглядов были очень похожи на мои. Временами мне казалось, что он рассказывает мою историю! До этого я думал, что радикально отличаюсь от остальных людей, что у меня потихоньку начинает съезжать крыша, ведь я все больше и больше отдаляюсь от общества, предпочитая проводить время наедине с бутылкой.

И вот передо мной мужчина, чье мироощущение в основном созвучно моему, если не считать того, что он не сидит сложа руки. Он счастлив, получает удовольствие от жизни и от общения с людьми и постепенно возвращается к своей медицинской практике. Оглядываясь на тот первый вечер, я осознаю, что тогда впервые начал надеяться. Я подумал, что, если Говард смог вернуть все это, может быть, для меня это тоже возможно.

На следующий день, после полудня и к вечеру, меня навестили еще двое парней, и каждый рассказал мне о себе и о том, что именно они делают, пытаясь выздороветь от этой тяжелейшей болезни. В них было нечто, что, казалось, излучало сияние — особая умиротворенность, спокойствие вкупе со счастьем. За последующие два-три дня со мной пообщались остальные члены этой группы. Они подбадривали меня и говорили со мной о том, как они стараются жить по своей программе выздоровления, и о том, какую радость при этом получают.

Только после этого, когда восемь или девять человек ознакомили меня с идеологией своего Сообщества, мне позволили посетить мое первое собрание. Оно состоялось в гостиной чьего-то дома, а вел его Билл Д., первый человек, которого Билл У. и Доктор Боб успешно обработали.

В этом собрании принимали участие восемь-девять алкоголиков и семь-восемь их жен. Оно отличалось от современных собраний. Большая Книга АА тогда еще не была написана, и никакой литературы, кроме разнообразных религиозных брошюр, не было. Программу распространяли исключительно в устной форме.

Собрание длилось час и завершилось молитвой. Затем мы все пошли на кухню, где пили кофе с пончиками и продолжали беседовать до самого утра.

На меня произвели потрясающее впечатление как само собрание, так и полнота того счастья, которым светились эти люди, невзирая на свои финансовые затруднения. А ведь во время Великой депрессии в этой маленькой группе не было ни одного человека, не стесненного в средствах.

Я пробыл в Акроне две или три недели, знакомясь с их программой и философией и стараясь усвоить как можно больше. При этом я много времени проводил с Доктором Бобом, когда он бывал свободен, а также часто гостил у нескольких других членов Сообщества, наблюдая, как их семьи живут по программе. Каждый вечер мы собирались дома у кого-либо из ребят, пили кофе с пончиками и общались.

За день до моего отъезда в Чикаго – у Доктора Боба тогда выдался выходной – он отвел меня в свой кабинет, и мы три-четыре часа изучали формальную сторону программы, которая тогда состояла из шести шагов:

1. Полная капитуляция.
2. Доверие к Высшей Силе и подчинение ее воле.
3. Моральная инвентаризация.
4. Исповедь.
5. Возмещение ущерба.
6. Постоянная работа с другими алкоголиками.

Доктор Боб провел меня по всем этим шагам. Когда дело дошло до моральной инвентаризации, он извлек на поверхность некоторые мои отрицательные личностные качества, они же изъяны характера – эгоистичность, самонадеянность, ревность, беспечность, нетерпимость, вспыльчивость, саркастичность и обидчивость. Мы подробно проработали их все, и он, наконец, спросил, хочу ли я, чтобы эти недостатки исчезли. Когда я ответил «да», мы оба встали на колени и стали молиться, прося Бога, чтобы Он избавил меня от них.

Эта картина до сих пор жива в моей памяти. Даже если я доживу до ста лет, все равно буду ее помнить. Та сцена произвела на меня неизгладимое впечатление, и я желаю каждому члену АА иметь такого же прекрасного спонсора. Доктор Боб всегда делал большой акцент на религиозном аспекте программы, а это, на мой взгляд, полезно. По крайней мере, мне это помогло. Затем я под его руководством выполнил шаг «возмещение ущерба»: составил список всех людей, которым я нанес вред, и продумал, какими путями и средствами буду постепенно исправлять то, что наделал.

Тогда я принял ряд решений. Во-первых, попробовать создать в Чикаго группу АА; во-вторых, приезжать в Акрон на собрания хотя бы раз в два месяца, пока действительно не создам в Чикаго группу; в-третьих, считать программу важнее всего остального в моей жизни, даже семьи, ведь, если я не сохраню трезвость, то в любом случае потеряю семью. Если я не сохраню трезвость, у меня не будет работы. Если я не сохраню трезвость, у меня не останется друзей. А их у меня в то время и без того было немного.

На следующий день я вернулся в Чикаго и развернул энергичную кампанию по набору в АА среди своих так называемых приятелей, или собутыльников. Реакция всегда была одинаковой: они говорили, что, если им когда-нибудь

понадобится наша помощь, они непременно со мной свяжутся. Я побеседовал со священником и доктором, своими знакомыми, а они, в свою очередь, спросили меня, как долго я веду трезвый образ жизни. Когда я ответил, что полтора месяца, они вежливо сказали, что, если к ним придет кто-либо, страдающий алкоголизмом, они направят его ко мне.

Нет нужды говорить, что прошел год или даже больше, прежде чем они в самом деле ко мне обратились. Приезжая в Акрон, чтобы восстановить душевное равновесие и пообщаться с другими алкоголиками, я спрашивал Доктора Боба о причинах их промедления и о том, что же со мной не так.

Он неизменно отвечал: «Когда и твое состояние, и время будут подходящими, Провидение даст тебе возможность. Ты должен всегда быть готов к этому и продолжать налаживать контакты».

Через несколько месяцев после своей первой поездки к Анонимным Алкоголикам я преисполнился самоуверенности и, считая, что жена относится ко мне недостаточно уважительно, хотя я стал выдающимся гражданином, решил напиться намеренно, просто чтобы проучить ее. Неделий позже я вынужден был на пару дней вызвать из Акрона одного своего старого друга, чтобы он помог мне протрезветь. Так я усвоил, что нельзя осуществить моральную инвентаризацию, а потом забыть о ней, и что, если алкоголик хочет выздороветь и оставаться здоровым, ему необходимо каждый день оценивать себя и свои поступки. Это был мой единственный срыв. Из него я извлек для себя ценный урок. Летом 1938 года, почти через год с момента моего знакомства с Сообществом, ко мне обратился мой шеф, который знал о его существовании. Он спросил, не смогу ли я чем-нибудь помочь одному из его продавцов, который сильно пьет. Я отправился в психиатрическую клинику,

куда поместили этого парня, и, к моему удивлению, он заинтересовался нашей программой. Он уже давно хотел избавиться от алкогольной зависимости, но не знал, как. Я провел с ним несколько дней, однако не чувствовал себя в силах самостоятельно разъяснить ему суть программы. Поэтому я порекомендовал ему на пару недель съездить в Акрон, и он это сделал, остановившись у одной из местных семей АА. После его возвращения мы стали проводить собрания практически каждый день.

Еще через несколько месяцев один мужчина, который поддерживал связь с группой из Акрона, переехал в Чикаго. Так нас стало трое, и мы продолжали регулярно устраивать неформальные собрания.

Весной 1939 года была издана Большая Книга, и к нам поступило два запроса из нью-йоркского бюро. Оба обратились туда, услышав по радио пятнадцатиминутный рассказ о Сообществе. Однако эти люди интересовались программой не ради самих себя. Одна из них была матерью алкоголика, которая хотела помочь своему сыну. Я посоветовал ей побеседовать с его духовником или доктором, и, возможно, они порекомендовали бы ему АА.

Доктор, молодой человек, тут же ухватился за эту идею и, хоть и не уговорил ее сына, зато направил к нам двух потенциальных членов, которые горели желанием попробовать нашу программу. Мы трое сочли себя недостаточно опытными для того, чтобы ввести их в курс дела, и, проведя с их участием несколько собраний, убедили их съездить в Акрон, где они смогли бы посмотреть, как работает старшая группа.

Тем временем другой доктор, из Эванстона, пришел к убеждению, что наше Сообщество обладает определенным потенциалом, и отдал на наше попечение одну женщину. Она была полна энтузиазма и тоже посетила Акрон. Осенью

1939 года, сразу же после ее возвращения, мы начали еженедельно устраивать собрания по всей форме. С тех пор мы продолжаем это делать и расширяться.

Иногда некоторым из нас даруется возможность наблюдать, как из крошечного зернышка вырастает нечто огромное и прекрасное. Мне выпало счастье это увидеть – как в моем городе, так и по всей стране. В Акроне нас была лишь горстка, но мы распространили свои идеи по всему миру. Сначала в Чикаго был всего один член Сообщества, едущий в Акрон, а теперь нас более шести тысяч.

Как бы банально это не звучало, последние восемнадцать лет моей жизни были самыми счастливыми. Пятнадцатую из них я не смог бы насладиться, если бы я продолжал пить, ведь, прежде чем я бросил, врачи говорили мне, что мне осталось жить только три года.

В этот более поздний период своей жизни я обрел цель – не в великих свершениях, а в повседневной рутине. Страхи и неопределенность предыдущих лет заменило мужество, с которым я встречаю каждый новый день. На место нетерпеливости и стремления завоевать мир пришло принятие вещей такими, какие они есть. Я перестал сражаться с ветряными мельницами; вместо этого я стараюсь выполнять те самые ежедневно встающие передо мной мелкие задачи, которые сами по себе не важны, но являются неотъемлемой частью полноценной жизни.

Раньше надо мной насмехались, презирали меня или жалели; теперь же многие люди уважают меня. Вместо случайных приятелей, все из которых были ненадежными, у меня появилась целая куча друзей, которые принимают меня таким, какой я есть. Кроме того, за годы моей жизни в АА у меня образовалось множество настоящих, честных, искренних дружеских связей, которыми я всегда буду дорожить.

Я, можно так выразиться, скромно успешный человек. Мой запас материальных благ невелик. Зато мне принадлежит целое состояние: оно – в дружеских отношениях, мужестве, уверенности в себе и честной оценке собственных способностей. Самое главное, я обрел величайшую ценность, дарованную человеку – любовь и понимание милосердного Бога. Он вытащил меня из помойной ямы алкоголизма и поднял до уровня, где я пожинаю обильные плоды, вознаграждающие меня за то, что я выказываю некоторую любовь к другим людям и служу им, как могу.